

**«ПОЧАТОК РУСІ: ПІВДЕНЬ І ПІВНІЧ»
(матеріали круглого столу)**

Залишаючись вірною традиції вміщення на шпальтах «Українського історичного журналу» матеріалів проблемних круглих столів, редколегія запросила гроно вчених-медієвістів для обговорення вельми дискусійної і вкрай актуальної для східнослов'янської історичної науки проблеми походження Русі. Не секрет, що становлення на пострадянському просторі суверенних держав неминуче призвело й до суверенізації та націоналізації їх історій. Відтак давні суперечки навколо того, звідки, – з Півдня чи з Півночі? – «пішла Руська земля», спалахнули з новою силою.

Представлені тексти відбивають різні, часом діаметрально протилежні погляди на цю проблему. Однак саме таке їх зіткнення допомагає віднайти точки дотику і намітити нові, більш досконалі, шляхи подальшого осягнення першопочатків Русі. Редколегія «УІЖ» щиро дякує науковцям, які люб'язно погодились взяти участь у роботі круглого столу. Тексти надісланих виступів друкуються мовою оригіналу з незначним редакторським втручанням.

Редколегія «УІЖ»

В.Л.Янин (Московский государственный университет, Российская Федерация)

РУСЬ НА ВОЛХОВЕ

Два великих города восточных славян – Киев и Новгород – многое объединяет. Эти «точки пересечения» достаточно неплохо изучены. Мы же подробнее остановимся на принципиальных отличиях киевской и новгородской систем власти. Последние находки Новгородской археологической экспедиции добавили в известную нам до сих пор картину важные штрихи.

В 1998 г. на Троицком раскопе в слоях середины XII в. было обнаружено помещение древнего новгородского суда (ряд административных построек и большой помост). Находки 1999 г. подтвердили наши ожидания. Уже в июне, в первый месяц раскопок, нам во множестве стали попадаться т. н. цилиндры. С помощью этих хитроумных деревянных приспособлений новгородцы обеспечивали сохранность собранных налогов. Цилиндр служил чем-то вроде современной пломбы – этот загадочный предмет представлял собой обрубок дерева с продольными и поперечными каналами. Сбранную на погостах дань складывали в кожаные мехи и запечатывали с помощью цилиндров. Мехи завязывались подобно современному рюкзаку или капюшону, а концы веревок пропускались через цилиндр. Для того, чтобы вскрыть содержимое, необходимо было либо расколоть цилиндр, либо разрезать мешок. Надписи на цилиндрах объясняли, откуда и в каком количестве был собран налог, иногда указывалось, кому он предназначался.

Впервые они были найдены в 1951 г. и встречались археологам исключительно редко; до нынешнего года в Новгороде было найдено всего 11 экземпляров. А к 20 июля 1999 г. нам удалось обнаружить ещё 34 цилиндра, и это число наверняка существенно возрастет.

Цилиндры представляют собой чрезвычайно характерную деталь для анализа состояния раннего новгородского общества. Когда новгородцы заключали договор с приглашённым князем, последний должен был соблюдать два важней-

ших условия. Во-первых, князь, его княгиня, бояре и дружинники не имели права владеть ни единым клочком новгородской земли. Во-вторых, все государственные налоги и подати на территории Новгородской земли собирали сами новгородцы, а не княжеские люди. Эти порядки существенно отличали Новгород от Киева: на юге Руси, как нам хорошо известно из летописей и зарубежных хроник, князь с дружиной самолично объезжал места сбора дани, а затем распределял собранное. Найденные нами цилиндры показывают, что в Новгороде дань делилась вдалеке от княжеской резиденции, на усадьбах родоплеменной знати.

Новгородская система контроля над государственными доходами, реконструированная нами по археологическим материалам, заставляет усомниться в истинности теории киевоцентризма, в своё время провозглашённой М.С.Грушевским, в советское время поддержанной Б.А.Рыбаковым и разделяемой сегодня многими украинскими историками. Учёные же, серьёзно изучающие новгородские древности, а также «примкнувшие к ним» белорусы, придерживаются иного мнения. Эта, более правильная, на мой взгляд, точка зрения гласит, что система государственного устройства распространялась не из Киева в Новгород, а, наоборот, из Новгорода в Киев.

М.С.Грушевский и его последователи полагают, что древнерусская государственность зарождается в Среднем Поднепровье на основе древних корней, уходящих ещё в скифские времена. В 1982 г. эти идеи очень пригодились партийным товарищам во главе с В.В.Щербицким, торжественно отпраздновавшим мифическое 1500-летие Киева (на самом деле города на Руси образуются не раньше VIII в.). Я очень рад, что подобные игры с историей не легли в основу празднования юбилея Москвы – в конце концов, на нынешней московской территории археологами раскопаны стоянки времён неолита, и Москве вполне можно отметить 50 тыс. лет! А киевский юбилей изрядно подпортили обнаруженные известным историком О.Прицаком еврейские письмена, из которых следует, что Кий якобы был жив ещё в середине X в.

По версии киевоцентристов, эти государственные начала потом распространяются на прочие земли восточных славян. Б.А.Рыбаков пошёл ещё дальше, чем М.С.Грушевский, заявив, что Новгород был основан киевлянами на краю их обширной империи для защиты северных рубежей государства. Своей государственности здесь быть не могло, потому что «в тридцати верстах от тайги», в краю непроходимых болот для этого якобы не было экономических условий. И только впоследствии из-за удалённости от Киева новгородская знать стала проявлять сепаратистские тенденции. Многолетние исследования в Новгороде показали, что древненовгородский диалект, отразившийся уже в самых ранних берестяных грамотах XI–XII вв., резко отличался от того «общерусского» диалекта, на котором говорили в Киеве. По находкам на бересте прослеживается около 30 отличий, аналоги которым мы находим в языке западных и южных славян. Западные корни кривичей и новгородских словен прослеживаются также в материалах антропологии, курганного обряда, топонимики и метрологии (работы В.В.Седова). Очевидно, именно эти славянские переселенцы с запада и создали впоследствии государство в Новгороде.

Государство возникает как логический результат естественного для любого общества процесса саморегуляции. И не важно, поселились ли люди на тучных чернозёмах или на болотах – они закономерно выбирают себе старейшин, устанавливают определённый порядок. Север Руси заселяется славянами довольно поздно – первые следы их присутствия здесь относятся ко второй половине VIII в. Пришельцы из Южной Балтики, обосновавшись в Новгородской земле и потеснив угро-финнов, принесли сюда свои традиции, а не те, что сформировались к тому времени в Среднем Поднепровье.

Очень важен вопрос, в какой форме образуется государственность. То государство, которое образовалось на севере в результате призвания варягов в середине IX в., было основано на принципах строгого соблюдения приглашённым князем и его дружиной выработанных новгородцами условий. Стеснённый в своих действиях князь чувствует себя в Новгороде неуютно и постоянно стремится уйти отсюда на юг. Пример тому подал Олег, открыто нарушивший договор с новгородцами и обосновавшийся на юге, в Киеве, после убийства Аскольда и Дира. После этого в Киеве возникает власть, основанная не на договоре, а на завоевании. Киев изначально развивается как монархия; Новгород же до конца XV в. придерживается основ первоначальной государственности, возникших ещё в докняжеский период – это вече (народное собрание), посадники, которые продолжают традиции родоплеменных старейшин, тысяцкие (военачальники) и т.д.

В итоге в Новгороде сложилась боярская демократия. Бояться этого слова не надо – последние годы научили нас тому, что любая самая безбрежная демократия в основе своей есть всё-таки «власть немногих». И только Ивану III, наследнику киевских и владимирских монархических традиций, удалось силой подчинить Новгород Москве и завести здесь «привычные порядки».

Часто путают реальные политические события, связанные с утверждением монархии, с упомянутыми выше основами общественной организации. Никто не спорит с тем, что киевская государственность автохтонна и при этом древнее новгородской. В Древней Руси реально существовали два центра развития государственности – Киев и Новгород. Задача историков при этом – накапливать новые данные, медленно, но верно, продвигать вперёд историческое знание.

А современные нам попытки «вернуться к истокам», полностью доверяясь концепции М.С.Грушевского, непродуктивны. Это то же самое, что на нынешнем уровне науки слепо следовать за выводами Н.М.Карамзина или В.О.Ключевского, С.М.Соловьёва или П.Н.Милюкова. Со времён этих выдающихся историков наука ушла далеко вперёд. Вспомним, что В.О.Ключевский полагал, что на Руси не было ремесла, а П.Н.Милюков был убеждён в том, что в древности население было поголовно неграмотным. А потом в Новгороде нашли берестяные грамоты... Сколько нам твердили о том, что в древности было две культуры – для богатых и бедных. Наши последние исследования показывают, что эстетический мир древнего новгородца был един, независимо от имущественного положения (одни и те же мотивы, сюжеты, орнаменты и т.д.). Известнейший искусствовед и художник академик И.Э.Грабарь был убеждён в примитивности художественного вкуса новгородцев – мол, понаставили «кособоких церквей» без особого понятия. А когда по итогам раскопок удалось выявить истинные пропорции храмов (без учёта позднейших культурных наслоений расстояние между древним и современным полом Софийского собора в Новгороде – 1 м 90 см), никаких сомнений в высочайшем мастерстве зодчих не осталось. Уверен, что и наши украинские коллеги скоро преодолеют в своих работах пietet перед трудами М.С.Грушевского.

П.П.Толочко (Институт археологии НАН Украины, Киев, Украина)

ОБ ИЗНАЧАЛЬНОЙ РУСИ

Историография темы происхождения Руси необычайно широкая. Интерес к ней постоянен в отечественных и зарубежных исследованиях. И, кажется, всё, что можно было сказать, уже сказано, а на долю нынешнего поколения историков осталась лишь трудная проблема выбора. Но, как свидетельствует опубликованная в журнале «Археологія» (2003. – №1) статья К.Цукермана – директо-

ра Центра истории и культуры Византии и Коллеж-де-Франс (Париж) – согласиться с такой участью оно не может и выносит на суд читателей также и своё особое мнение. В данном случае достаточно амбициозное, претендующее на пересмотр всей начальной истории древней Руси.

Тезисно концепция К.Цукермана выглядит следующим образом. До образования Руси Киевской восточнославянская государственность пережила два этапа своего формирования. Первый приходится на 30–70-е гг. IX в., второй – от прихода на Русь Рюрика в 895 г. до начала X в., когда её политический центр перемещается в Среднее Поднепровье. На первом этапе государственное образование называлось Руским каганатом, находилось в бассейне Волхова, а столицей имело Ладогу. В начале 70-х гг. IX в. в результате какой-то неизвестной межплеменной войны на смену каганату пришло новое образование во главе с Рюриком. Центром его, можно думать, был Новгород (Рюриково городище), названием – всё та же Русь. Правда, теперь это уже был, как будто, не каганат. В заключение автор замечает, что «если эта концепция верна, то начальная история древней Руси должна быть в корне пересмотрена».

Какими же аргументами К.Цукерман поддерживает свою сенсационную концепцию и все ли они оригинальны? Оказывается, не все – многие позаимствованы у предшественников, что называется, по методу предпочтения. Русский каганат основали шведы, которые обрели название Ros, Rus, Русь от финского слова Ruotsi. Что касается географической локализации каганата, то автор придерживается гипотезы Д.А.Мачинского, располагавшего его на севере, в бассейне Волхова. Все остальные мнения на этот счёт не принимаются во внимание, поскольку, будто бы, не выдерживают критики. Чьей критики? Разумеется, не К.Цукермана, но тех исследователей, с которыми он солидаризуется. Идея автохтонного происхождения названия Русь от иранского Rhos (Rosomoni, Roholani), обосновывавшаяся в своё время Г.Вернадским, Б.Рыбаковым и другими историками, для К.Цукермана неприемлема по той причине, что она подверглась резкой критике со стороны Е.Мельниковой и В.Петрухина. А неприятие Руси на Днепре в IX в. основывается на отсутствии здесь скандинавских древностей этого времени. При этом автор почему-то ссылается не на результаты исследований украинских археологов, а на критический обзор их работ, выполненный И.Каллмером.

Понимая, что рассуждения о Руском каганате в бассейне Волхова будут хоть чего-нибудь стоить, если удастся показать, что Киев в это время и вовсе не существовал, К.Цукерман значительную часть своей статьи посвящает именно этому доказательству. При этом, не пытаясь разобраться в киевских древностях сам, ссылается на авторитет своих предшественников. Ему, в частности, импонирует мнение И.Каллмера, что начало самого раннего «урбанистического» этапа в истории Киева приходится на 80-е годы IX в., и что этот век является одним из наименее интересных периодов в этой издревле заселённой местности.

Давно уже замечено, что менее всего интересно нам то, чего мы не знаем. Если бы И.Каллмер, а вслед за ним и К.Цукерман, потрудились изучить работы киевских археологов, то они бы увидели, что культурные слои Киева, датирующиеся VIII–IX вв., обнаружены на значительной площади, исчисляющейся десятками гектаров. Дендродата одной из построек Подола – 887 г., – вовсе не является доказательством начала урбанистического этапа в истории Киева. Просто археологам посчастливилось обнаружить остатки одной из сохранившихся ранних построек. Она стояла на культурном слое, который образовался в течение VIII–IX вв., содержал керамику, изготовленную на круге, так называемого курганного типа, и лепную. Если исходить только из дендродат, тогда придётся признать, что в Верхнем Киеве урбанистический этап вообще не наступил, ведь

там археологическое дерево не сохранилось вовсе. Да и подольское ископаемое дерево нам удалось обнаружить только в 1970-х гг.

Вторым важным доказательством «небытия» Киева в IX в. является якобы отсутствие на его территории восточных монет двух последних третей IX в. Здесь К.Цукерман ссылается на мнение Т.Нунана, утверждающего отсутствие торговых связей между Киевом и Востоком ранее 900 г.

Следует сказать, что вывод этот не новый, лет за 30 до Т.Нунана он был высказан М.К.Каргером¹. Согласно ему, распространённое до недавнего времени положение о том, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X вв., не соответствует действительности. Никаких кладов VIII и даже IX вв. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. Именно в это время, как полагал М.К.Каргер, и устанавливаются прочные связи Киева со среднеазиатским Востоком².

Мне уже приходилось писать об этом необъяснимом заблуждении М.К.Каргера и последовавших за ним нумизматов³. Для характеристики торговых связей Киева с Востоком важным является не столько время зарытия кладов, сколько даты самих монет. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, изменяя свой состав под воздействием рынка, на протяжении нескольких столетий. Последняя монета в кладе указывает не столько на дату его зарытия, сколько на то, что с этого времени он больше не пополнялся новыми монетами. Считать, что это время поступления всех монет в Киев должно определяться датой позднейших, методически неверно. В Киеве найден клад, в котором среди 200 медных куфических монет VIII–X вв. было несколько поздних, датируемых XIII в.⁴ Характерно, что и одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII–X вв. Без признания существования налаженных торговых связей Киева с Востоком в VIII–X вв. (наибольшее число монет относится к IX – началу X в.), о чём свидетельствуют и восточные авторы, подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена. Даты кладов указывают не на установление прочных связей Киева с Востоком, а, скорее, на их прекращение.

Таким образом, на основании находок восточных монет на территории Киева нет и малейшей возможности утверждать о каком-то экономическом вакууме в Среднем Поднепровье во второй половине IX в. Наличие связей Киева с Востоком в VIII–X вв. подтверждается другими находками, в том числе салтовской керамикой, выявленной в жилище VIII–IX вв. и в культурном слое Подола, а также обнаружением могильника с катакомбными погребениями в пределах «города Ярослава».

Ещё менее убедителен аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всём Среднем Поднепровье. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори принимается вывод о том, что русы – это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси.

Объективности ради, следует сказать, что не всё так безнадежно. Скандинавские следы IX в. в Киеве всё же имеются, в том числе и в захоронениях. Это так называемые скорлупообразные фибулы, а также кольцевые с длинными и обычными иглами, которые датируются IX–X вв. Однако, при чём тут русь? В летописи северные пришельцы выступают под названием варяги. Чудесное их превращение в русов происходит только после прихода в Киев.

На Киев Олег выступил «поймъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, весь, кривичи». После овладения Киевом Олег провозгласил его «матерью городам руским», а северная дружина получила наименование руси. «И снде Оле-

гъ княжа въ Киевѣ ... И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью»⁵.

Летописец и позже будет чётко отличать русь от варягов и даже новгородских словен. В 1015 г. Ярослав выступил из Новгорода на Киев с тысячей варягов и тремя тысячами других воинов. Навстречу ему из Киева вышел Святополк «пристрои бещисла вои, Руси и печенѣгъ»⁶. После утверждения в Киеве уже Ярослав становится обладателем русской дружины. Для похода против Святополка и Болеслава он «совокупил Русь, и варяги, и словѣн»⁷.

Из этих и других летописных известий видно, что варяги не приносили на юг новое название, но обретали его здесь. Оно для Среднего Поднепровья было органичным со времён древних «росов». Арабские географы в IX в. постоянно упоминают русов как обитателей южных регионов восточнославянского мира. Аль-Хорезми в сочинении «Книга картин земли», написанном между 836–847 гг., упоминает реку Друс (Данапрос – Днепр), которая берёт начало из Руской горы (Джабал-Рус). Сочинение неизвестного автора IX в. «Худуд-ал-Алам» сообщает, что «страна русов находится между горой печенегов на востоке, рекой Рутой на юге и славянами на западе. А царя их называют хакан русов»⁸.

Видимо, не случайно первые киевские летописцы называли Руским и Чёрное море: «А Днѣпръ втечетъ в Понетское море тремя жерелами, еже море словеть Руское»⁹. Ни Ильменское озеро, ни Балтийское море такого названия не имели.

Теперь об ильменско-волховском местоположении так называемого Руского каганата. Доказательства в пользу его существования более чем сомнительны. Ссылка на переписку византийского императора Василия I и Людовика II Итальяского никак не проясняет дело. Василий говорит, что титул кагана носят верховные правители аваров, хазар и норманнов, а Людовик II отметил, что знает лишь об аварском кагане, но не заметил ни хазарского, ни норманнского. Из этого К.Цукерман делает следующий вывод: «Норманнский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа Rhos, упоминаемого в Бертинских анналах».

А почему не каганом хазар, ведь последний тоже неизвестен Людовику II? К тому же, письмо императора Василия I датируется 871 г., когда, согласно К.Цукерману, Русский каганат в бассейне Волхова был уже разгромлен, а новое государственное объединение во главе с Рюриком появится только через четверть столетия.

Сведения восточных авторов позволяют говорить скорее о славяно-русском каганате, чем о норманно-славянском. Аль-Якуби упоминает государя славян (al-Sakaliba), а Ибн Хордадбех и другие арабские географы постоянно смешивали русов и славян.

Из сообщений о походах русов на Константинополь и в Закавказье можно сделать вывод о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшим значительными людскими и материальными резервами. О малозаселённом волховско-ильменском крае в IX в. этого не скажешь. К тому же, он находился на невероятно далёком для раннего средневековья расстоянии от Византии и Закавказья, чтобы можно было осуществить даже простое путешествие в эти страны, а не то, чтобы предпринять военную экспедицию. Станным кажется также и то, что предполагаемый Русский каганат в бассейне Волхова, не отличавшийся воинственностью по отношению к своим соседям, наводил ужас на народы и страны, удалённые от него за несколько тысяч километров.

Я не знаю, корректен ли вообще вывод о Руском каганате IX в., но если он и был, то находился, безусловно, не на севере, а на юге восточнославянского мира. Скорее всего, на Среднем Днепре, а его политическим центром являлся Киев. В более поздние времена отсюда предпринимались военные походы в Крым и Византию, и именно здесь мудрые киевские книжники называли князей Вла-

димира и Ярослава каганами, как бы воскрешая тем самым времена начальной Руси. Как свидетельствует летопись, уже от Олега русские правители именовались князьями или великими князьями.

Одним из доказательств в пользу того, что походы на Византию и её черноморские владения осуществлялись в IX в. из Киева, являются находки в нём византийских монет. Наиболее ранние из них принадлежат императорам Михаилу III (842–867 гг.), Василию Македонянину (867–886 гг.), а также Василию I и Константину (876–879 гг.). Монеты названных императоров найдены и в других пунктах Среднего Поднепровья. В Ладоге или Рюриковом городище подобных свидетельств руско-византийских контактов для этого времени нет. Конечно, это было бы невероятным, если бы именно отсюда в продолжении 30–70-х гг. осуществлялись визиты и походы русов в Константинополь.

В заключение несколько слов о несовершенстве ранней хронологии «Повести временных лет». Конечно, она относительная. В сомнениях К.Цукермана нет ничего необычного и нового. Они высказывались всегда и даже во времена Николая I, который, согласно С.М.Соловьёву, запретил подвергать критике вопрос о дате основания Русского государства, назначенного преподобным Нестором. Здесь уместно напомнить, что летописание на Руси велось с конца X в., а, следовательно, ответственность за хронологию должны разделять вместе с Нестором и его предшественники. Это важно подчеркнуть, поскольку во многих исследованиях можно прочесть, что Нестор писал летопись в начале XII в., а поэтому не мог знать, когда произошло то или иное событие в предшествующие века. Ранняя хронология действительно нуждается в уточнении, но попытки её пересмотра почти всегда оказываются малоубедительными. Не являются исключением и уточнения К.Цукермана. Выверка ранней хронологии на основании дендродат поселений Новгородщины или слоёв пожарниц на них не может быть признана корректной, поскольку нет уверенности в том, что они хоть как-то коррелируются с летописными известиями. Обе новые даты: 870 г. – гибель Русского каганата в бассейне Волхова и 895 г. – приход на Русь Рюрика – в такой же (если не в большей) мере гадательны, как и свидетельства летописи 859 г. о приходе варягов «из-за моря» и 862 г. – об их изгнании.

Из сказанного выше следует, что, вопреки надеждам К.Цукермана, историкам придётся всё же воздержаться от коренного пересмотра начальной истории Руси.

¹ Каргер М.К. Древний Киев. – Т.1. – Москва; Ленинград, 1959. – С.116–126.

² Там же. – С.123–124.

³ Толочко П.П. Древний Киев. – К., 1983. – С.165–166.

⁴ Тизенгаузен В. О кладе куфических монет, найденном в Киеве в 1803 г. // Археологический вестник. – Москва, 1817. – С.198.

⁵ Повесть временных лет (далі – ПВЛ). – Ч.1. – Москва; Ленинград, 1950. – С.20.

⁶ ПВЛ. – Ч.1. – С.96.

⁷ Там же.

⁸ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – Москва, 1965. – С.399.

⁹ ПВЛ. – Ч.1. – С.12.

А.Н.Кирпичников (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К ВОПРОСУ О ПЕРВОЙ СТОЛИЦЕ РУСИ

Посёлок Старая Ладога Ленинградской обл. находится в низовьях реки Волхов. Большую часть его занимает музей-заповедник. Ладога, как этот населённый пункт назывался до 1704 г., ровесник создания Русского государства. Ис-

тория этого древнего города, а ныне посёлка, запечатлена в 160 памятниках архитектуры, археологии и истории. В центре современного посёлка высится пятибашенная каменная крепость, рядом – Земляное городище, место главных археологических открытий. Вокруг – старинные дома, амбары, церкви, колокольни, монастыри. Строения окружены или перемежаются рощами, курганами, урочищами, некогда существовавшими подгородными поселениями. Уцелела старая планировка, а одна из улиц, Варяжская, восходит к временам X в. По берегам Волхова возведены величественные могильные холмы – это захоронения первых поколений горожан. Для плывущих по реке они образовывали своеобразные пропилеи, напоминавшие живущим об их почивших сородичах. В одной из таких сопок, по легенде, похоронен создатель объединённой Руси – князь Олег Вещий.

Раскопки в Старой Ладоге начались в 1708 г. Для изучения средневековых городов эта дата уникальна. С 1972 г. здесь работает Староладожская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской академии наук под руководством автора этих строк. За годы раскопок экспедицией достигнуты результаты, которые изменили прежние представления о прошлом поселения в низовьях Волхова и обозначили его как фактор, повлиявший на ход европейской истории.

Прежде всего, выяснена дата основания славянами города Ладоги. Анализ спила одного из брёвен постройки выявил дату его рубки – 753 г. Именно тогда новые поселенцы поставили на этом месте первую избу. Установил этот факт отряд экспедиции, возглавлявшийся Е.А.Рябининым. На территории Старой Ладоги и в её окрестностях открыты памятники и более раннего времени, но пока точно установлена дата, упомянутая выше. Дата основания Ладоги выдвигает её в качестве древнейшего средневекового города не только Руси, но и всей Восточной и Северной Европы. Именно в это время низовьев Волхова достигла волна славянского расселения. В создании славянского центра на прежде малозаселённых землях лесных охотников и рыболовов-финнов воплотилась вековая «балтийская идея» восточных славян, а затем и русских – получить выход к Балтийскому морю, к свободным и непосредственным связям со странами Скандинавии и Западной Европы. Для европейских путешественников Ладога стала «окном на Восток» и одновременно главнейшим портом на великих евразийских водных торговых путях из района Балтики в Византию и Арабский халифат.

Дальняя и ближняя торговля в тот период совершила чудеса – она способствовала экономическому подъёму многих стран, произвела подлинный переворот в умах и делах людей. Народы пришли в движение, узнали друг друга, обогатились не только опытом войн и набегов, но и техническими и культурными достижениями. Западные товары, в том числе оружие и украшения, преимущественно через Ладогу достигали славянских и восточных рынков, где продавались или менялись за меха, невольников, всемирную в тот период валюту – мусульманские серебряные монеты-дирхемы. Расположенное на стыке морских и речных путей поселение в низовьях Волхова выдвинулось как поставщик лучших в Европе мехов. В тот период Ладога стала европейски известным складочным местом различных грузов, центром транзитной и собственной торговли, а её население могло достигать 1000 чел.

Не случайно в земле Ладоги находят произведения многих народов: среднеазиатские бусы, скандинавские застёжки, железные гривны-амулеты с молоточками-привесками скандинавского громовержца Тора, шумящие подвески финнов, височные кольца славян. С Востока привозились гирьки для взвешивания монетного серебра, стеклянные подвески-лунницы, бляшки на ремни, перстни, бусы из сердолика и горного хрусталя. С южного побережья Балтийского моря в Ладогу поступал янтарь. Славян обычно представляют землепашцами – жите-

лями бескрайних равнинных полей. Но в Ладоге они сменили излюбленное занятие – составили подвижное купеческое сословие, включившееся в мировую торговлю по водным дорогам.

Необычно и ещё одно археологическое наблюдение. В наших раскопках в культурных напластованиях IX–XI вв. почти во всех жилых постройках постоянно встречаются тигли, льячки, иногда ремесленные инструменты, а также куски янтаря, заготовки из кости, обломки бронзы, полуобработанные бусы, капли стекла и бронзы, литейные формочки. Очевидно, владельцы этих построек занимались ювелирным и отделочным ремеслом сразу нескольких разновидностей. Жильё одновременно служило мастерской и, возможно, лавкой, где универсалы-ремесленники изготавливали различные украшения, очевидно находившие широкий сбыт и за пределами города. Перед нами предстаёт своеобразный город мастеров-ювелиров. В этом, видимо, таится один из секретов предпринимательского процветания горожан.

На примере Ладоги рушится представление о стойкой самобытности славян. Город в низовьях Волхова являлся новым для раннего средневековья городом-космополитом, где встречались разные племена и народы Европы и Азии. Пришельцы находили здесь приют, жили своими общинами, имели свои кладбища и мольбища и все вместе образовывали своеобразный разноязыкий «Вавилон».

В раскопках постоянно встречаются разнообразные скандинавские вещи. В урочище Плакун открыт норманнский могильник, одно из погребений которого обнаружило сходство с датскими захоронениями эпохи викингов. На Земляном городище был обнаружен городской квартал, распланированный на стандартные участки, прилегающие к реке, как это делали жители Дании (несколько позже и Норвегии). Датский след в культуре Старой Ладоги получил точную расшифровку. В 862 г., когда этот город впервые упоминается в летописи, туда по приглашению славянских и финских племён прибыл скандинавский, а точнее, как теперь становится всё очевиднее, датский выходец – князь Рюрик с братьями и дружиной. Он положил начало правившей до конца XVI в. на Руси династии Рюриковичей, а Ладога стала первой государственной столицей Руси (затем эта миссия перешла к Новгороду, потом – к Киеву).

Факт призвания чужестранцев служить новой стране не унижает русскую историю. Пришелец-скандинав, конечно, не мог в один день основать государство. Все предпосылки к этому в славянском обществе уже сложились. Оставалось сделать завершающий шаг – наладить новый механизм властвования, что и было осуществлено. «Норманнский вопрос», болезненно обсуждавшийся в русской науке почти 200 лет, был уже решён во времена первых скандинавских по происхождению вождей – Рюрика и Олега. Основатель династии и его продолжатель, придя к управлению в чужой стране, поняли, что следует сохранить и расширить доступ Руси к Балтике и осуществить внутренние задачи молодого русского государства. Выбор Рюрика в военном и организаторском отношении, похоже, себя оправдал. Вплоть до конца X в. скандинавы не нападали на области Ладоги и Новгорода, предпочитая торгово-транспортные и межгосударственные связи. Вплоть до второй четверти XII в. Ладога оставалась фамильным владением правящей ветви династии Рюриковичей. Затем она перешла под юрисдикцию Новгорода Великого.

Геополитическое и стратегическое значение Ладоги в первые века её существования определило ведущую роль города в укреплении северных рубежей Руси. Этому получено конкретное археологическое подтверждение. На месте нынешней каменной крепости XVI в. были обнаружены две её каменные предшественницы, как выяснилось, и необычные по устройству. Одну, возможно, построил князь Олег, который, по словам летописи, в 882 г., укрепляя границы государства, «нача города строити» (здесь город обозначает крепость). Упомя-

нутое сооружение явилось первой цельнокаменной фортификацией на Руси. В 1113–1114 гг. на её месте последним самодержцем Киевской державы князем Мстиславом Великим была воздвигнута новая каменная твердыня. Среди сотен деревоземляных оборонительных сооружений Руси ладожское по своему материалу – плитняку – было редким исключением. Оба сооружения были не только обнаружены и опознаны, но и частично музеефицированы. Посетитель теперь может видеть нижнюю часть стены 1113–1114 гг.

Список открытий в Старой Ладоге расширяется с каждым годом. Е.А.Рябинину недавно удалось обнаружить на Земляном городище древнейшую в Северной Европе металлообрабатывающую мастерскую VIII в. с беспрецедентным набором из 26 инструментов. В 1997 г. наша экспедиция открыла части мастерской IX в. с украшениями скандинавского художественного ремесла, которые даже в северных странах считаются большой редкостью. Получается, что при Рюрике и Олеге в Ладоге было организовано литейное производство высококачественных изделий по скандинавским образцам. Речь идёт о застёжках-фибулах и браслетах, отливавшихся из латуни и имитировавших золотое свечение. А вопрос о первой столице Руси требует уточнений.

В.М.Ричка (Институт історії України НАН України, Київ, Україна)

БЛУКАЮЧА СТОЛИЦЯ (до питання про появу столиці у середньовічній Русі)

У сучасній схемі російської історії неабияке значення надається питанню про появу першої столиці Русі. Прийнято вважати, що нею була Ладога, 1250-річчя заснування якої було відзначено у 2003 р. як державний ювілей Російської Федерації. Звідси, мовляв, і стартувала російська історія, яка пізніше перемістилася до Новгороду, а вже звідти – до Києва. Залишаючи осторонь питання про витoki ідеї перетікання історії Русі/Росії з Півночі на Південь і знову на Північ та її змістовне наповнення у модерній російській історіографії, пропоную задуматися над тим, чи не заблукала було столиця Русі і чи взагалі існувало саме поняття «столиця» у додержавний період східнослов'янської історії?

Повідомляючи про організацію військового походу з Новгородської Півночі князем Олегом і захоплення ним Києва, «Повість временних літ» під 882 р. з-поміж іншого сповіщає: «...в лето 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдъ, словѣни, мерю, весь, кривичи и приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои. И придоста къ горамъ къ киевскимъ... И сѣде Олегъ княжа в Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ»¹. Це літописне повідомлення у науковій літературі витлумачується зазвичай як об'єднання до того буцімто розділеної на новгородську і київську «половини» Русі в одне державне тіло з центром/головою у Києві². При цьому, вкладені літописцем в уста князя-язичника Олега слова «Се буди мати градомъ русьскимъ», що давно вже стали хрестоматійними, трактуються буквально, як проголошення новгородським узурпатором Києва загальнооруською столицею.

Наприклад, Д.С.Лихачов доводив, що «слова Олега имеют вполне точный смысл: Олег объявляет Киев столицей Руси (ср. аналогичный термин в греческом $\mu\eta\rho\tau\omicron\lambda\iota\zeta$ – мать городов, метрополия, столица). Именно с этим объявлением Києва столицей Русского государства и связана последующая фраза: «и беша у него варяги и словени и прочи [в Новгородской первой летописи – «и оттоле», т.е. с момента объявления Києва столицей Русі] прозвашася Русью»³. Такої ж думки дотримується і сучасний український дослідник Я.Р.Дашкевич: «Сфальшованою є начебто стародавня ідея про «Київ – мати городів руських»... не було жодного ідеологічного навантаження у цьому висловлюванні ні в часах

Олега, ні в часах написання літопису. Словосполучення «мати городов» звичайна калька з грецької мови, переклад слова «метрополіс» (у значенні «столиця»). Цю кальку перестали вживати в XV ст.»⁴.

Між тим, це словосполучення є давнього, книжного за своїм змістом походження і несе у собі насправді потужне ідеологічне навантаження. Текстологічні паралелі цьому літописному фразеологізмові, помічені вченими у книгах Святого Письма (Гал. 4: 26), «Житті Василя Нового» та апокрифічних пам'яток, засвідчують, що знаменитими приписуваними язичнику Олегу словами Київ явно ототожнюється з Новим Єрусалимом⁵. Звісно, про таке уподібнення не могло бути й мови до запровадження християнства на Русі і становлення тут нехай і примітивних, але підвалин державної організації.

Утверджуючи себе з кінця X ст. як важливий чинник християнської ойкумени, Київ не міг стояти осторонь розвитку середньовічної біблійної екзегези, християнської теології і естетики, де єрусалимській ідеї відводилось почесне місце. Рецепція християнської історіософії на Русі об'єктивно зумовлювала формування уявлень про її співпричетність із подіями і явищами священної історії. Тому закономірно, що образ Святого Міста – Єрусалима був тут предметом особливо глибокої рефлексії. Орієнтація староруських книжників на біблійну традицію була невіддільно пов'язана з рецепцією візантійської політичної культури з її православним усвідомленням історичного процесу. Християнська історія продовжує і, водночас, скасовує єврейську. Новим Єрусалимом для всіх православних християн відтепер є Константинополь – столиця могутньої Візантійської імперії й усієї християнської спільноти.

Заснована Константином Великим 324 р. на європейському березі Босфору (на місці давньогрецького Візантія) столиця Візантійської імперії (освячена 11 травня 330 р.) була знана у тогочасному світі як «Новий Рим» (*Constantinus novam Roma*). Із-поміж багатьох епітетів на його означення (*Constantinus sedem regni Byzantium transtulit, eamque Constantinopolis vocavit, quae et Regia urbs et Neoroma vocata*) у слов'янській писемній традиції укорінилася назва «Царгород». Офіційний статус Константинополя як «Нового Риму» був закріплений відповідними канонами Халкедонського і II Константинопольського церковних соборів. У цій політичній символіці підкреслювалась імперська сутність Константинополя як столиці нової Imperium Romanum. Його ж еклезіологічна, духовно-релігійна першість відбилася у найменуванні «Новим Єрусалимом».

Уявлення про столицю Візантійської імперії як спадкоємницю Єрусалима ґрунтувалися на засадничій для ромейської ідеології концепції богообраності Візантії – Нового Ізраїлю. Бог знехтував євреями і навзамін прикликав до себе греків. Він дарував їм священство і царство, а також пророцтво – Новий Заповіт, написаний грецькою мовою. Ця ідея виразно простежується, наприклад, у посланні візантійського патріарха Фотія до вірменського католикоса Захарії (862–876 рр.), в якому, зокрема, стверджується, що збудований «другим Давидом», тобто св. Константином, Царгород сиріч Константинополь є «другим Єрусалимом», містом, в якому збулося пророцтво про непохитність Божого Граду: «Бог серед нього, нехай не хитається» (Пс. 45, 6). «Другим Єрусалимом» називає Константинополь і візантійський патріарх Фотій у своїх ламентациях із приводу облоги міста «варварами з півночі» у 860 р.

Єрусалимський топос був визначальним для архітектоніки міського простору візантійської столиці. Будівничий християнського мегаполісу Константин Великий прагнув перевершити Рим величию нової столиці. Як засвідчують матеріали спеціальних досліджень, урбаністичним ідеалом для нього був Єрусалим. Так, кафедральний собор св. Софії відповідав Єрусалимському Храму, а імператорський палац – палацові Соломона; навіть іподром відповідав єрусалимському театру часів Христа.

Імітація «ромейської» парадигми *translatio Hierosolymi* була притаманною й іншим православним народам, що перебували в орбіті візантійського культурного впливу. Так, у середньовічній Болгарії на роль «Нового Єрусалиму» претендували Тирново і Преслав. А у Центрально-Західній Європі – Прага, Аахен і ряд інших міст.

На Русі першим потрапив сконстатувати подібні претензії Києва через уподібнення Царгородові і його сакральному першообразу сподвижник Ярослава Мудрого, перший руський за походженням київський митрополит – Іларіон. Порівнюючи хрестителя Русі з першим християнським володарем Ромейської імперії – Константином, він наголошував на тому, що подібно до останнього, який, «сє материю своею Еленою крест от Іерусалима принесєша по всему миру своему раславьша, раславьша вѣру оутвердиста, ты же (Володимире – *В.Р.*) сє бабою твоею Ольгою принєсша крест от новаго Іерусалима – Константинограда»⁶.

На мою думку, немає вагомих підстав убачати у наведених вище Іларіонових словах якихось прихованих виявів антиюдейської полеміки, чи антигрецькі тенденції, зокрема, приниження значення Царгороду й імперії, як це подекуди стверджується у науковій літературі⁷. Константинополь і його субститут Єрусалим символізують для Іларіона виток і оплот християнської віри, звідки духовна традиція транслюється, нехай і за посередництва Константинополя, до Києва, через що й останній тепер набуває ореолу нового Святого Міста. Слідом за Іларіоном трохи пізніше цю ідею гранично ясно сформулює Яків Мніх у своїй «Пам'яті і похвалі князеві Володимирі» ось цими лапідарними, але надзвичайно промовистими словами: «Оле чудо! Яко 2-й Іерусалим на земли явился Киев»⁸.

Уподібнення Києва «священному граду» Єрусалиму простежується у багатьох пам'ятках писемності і культури українського середньовіччя. Встановлений середньовічними книжниками культурно-історичний паралелізм між Києвом та Єрусалимом не був голосливою декларацією, а спирався на матеріалізований стараннями Ярослава Мудрого, як би тепер сказали, урбаністичний проект – перевлаштування міського простору головного осередку Русі. Як сповіщає літопис, під 1037 р. «заложи Ярославъ город великий, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святая Софья, митрополью, и посемь церковь на Золотых воротъх святяя Богородица благовещенье, посемь святяго Георгия манастирь и святяя Ирины»⁹. Київські будівлі, споруджені за Ярослава, знаходять прозорі аналогії в архітектурі й сакральній семантиці міського простору Константинополя. Вони простежуються не тільки у співзвучності назв храмів та головної брами, але й виявляються, як засвідчують матеріали спеціальних досліджень, у художньо-композиційних прийомах їх вирішення¹⁰. Сакральна топографія й космогонічна сутність Царгорода – «Нового Єрусалима» – визначала основні ідеї містобудування та архітектурно-художнього оздоблення середньовічного Києва. Міфологія його архітектурного простору насичена великою кількістю глибоких конотацій, конкретних предметів і абстракцій. Уречевлені мовою християнської літургії, вони переносились у пласт зорових уявлень, утворюючи зримий образ Святого Міста – «Другого Єрусалима»¹¹.

Ярослав не просто розширив міську забудову – він фактично звів нове Місто. Значущість такого перетворення, чи, радше, перевтілення міського простору відбивають наступні слова митрополита Іларіона: «Виждь же и град величством сѣающь, виждь церкви цветущи, виждь хрстіаньство растуще, виждь град иконами святых освѣщаемь и блистающься»¹². Київ в очах Іларіона постає сповненим величі, царственною гідністю й осяяним світлом Господнього благословення градом. Використання у давньоруській літературній традиції візантійської формули «богохранимого града» щодо Києва було теж започатковане Іларіоном. В автобіографічній приписці про своє настолювання, що вінчає, сказати б, увесь його літературний цикл, відзначається, що ця подія сталася «въ величѣм

и богохранимъ градъ Къѣвъ»¹³. Цей термін, що походить із кола епітетів Єрусалима, був запозичений Іларіоном через посередництво візантійської лектури та біблійні референції. Наприклад, у «Хроніці» Георгія Амартола Єрусалим – цей «преславний Божий град» – постає як «богосъзданий, и богохранимы, и богоукрашени, и боголюбимы» град¹⁴. Отже, тільки після того, як стараннями Ярослава Мудрого статус Києва було належним чином вивіщено, ідеологічно можна говорити про саму ідею столиці середньовічної Русі.

Столичність Києва є відтворенням константинопольської моделі, запозиченням із візантійського ідейного арсеналу (термін «столиця» у давньоруській мові не зафіксований). Характерним є зазначене О.В.Назаренком у службі на освячення церкви св. Георгія у Києві (середина XI ст.) найменування Києва митрополитом Іларіоном «першопрестольним матери градом». Словосполучення «мати градам», «являясь калькой с греческого мѣтрополѣцѣ, одного из эпитетов Константинополя, указывает на значение для столичного статуса Києва царградской парадигмы. Это выражение встречается в источниках неоднократно, ... но наиболее показательное его упоминание в службе на освящение церкви святого Георгия в Киеве (середина XI в.): «...от первопрестольного матери градом, Богом спасенного Києва». Здесь Киев назван еще и «первопрестольным» – калькированная с греческого терминология усугубляется специфически церковным определением, употреблявшимся по отношению к первенствующим кафедрам»¹⁵. Стольним градом, тобто столицею, називає Київ також інший святий Русі – печерський ігумен Феодосій. Коли у 1073 р. на київський престол зійшов Святослав Ярославич, вигнавши з Києва свого старшого брата Ізяслава, він рішуче виступив на захист останнього. «Сиче бо двема братома брань сътворити на единого старейшаго их брата, христолюбца князя Ізяслава, и тако прогнанъ бысть от града столнаго Києва. И онемъ пришедшим в град тѣй, посылають же по блаженнаго отца нашего Феодосиа, бедяще того приити к ним на обед и причаститися неправеднем том съвете. Той же бе исполненъ святого духа преподобный, и яже разумев еже неправедно суще изгнание иже о христолюбци, и глаголетъ посланному, яко не имамъ ити на трапезу Иезавелину и причаститися брашна того, исполнь суца крови и убийства, и ина многа глаголавъ, отпусти того, рекъ, яко възвестиши вся си пославшим тя». Феодосій у своїх приватних посланнях і публічних зверненнях до Святослава продовжував звинувачувати останнього у тому, що той «не по закону седша на столе томъ» і вимагав повернути Ізяслава «на столъ, иже ему благоверный отецъ твой предасть»¹⁶.

Таким чином, саме поняття «столиця»/«стольний град» у політико-ідеологічних уявленнях Київської Русі набуває більш-менш виразних рис лише у середині – другій половині XI ст. Ладога й Новгород були локальними осередками володарювання на давньоруській Півночі і внаслідок різних обставин не набули статусу загальнодержавної столиці всієї Русі.

¹ Повесть временных лет / Под. ред. В.П.Адриановой-Перетц. 3-е изд. – Санкт-Петербург, 2007 – С.14.

² Див.: Греков Б.Д. Киевская Русь. – Ленинград, 1953. – С.453.

³ Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. – С.409.

⁴ Дашкевич Я. Київ в ідеології України XII–XVII ст. // Матеріали засідань історичної та археографічної комісії НТШ у Львові (лютий 1992 р. – жовтень 1993 р.). – Л., 1994. – С.7.

⁵ Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории. 1998. – Москва, 1999. – С.139–140.

⁶ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Иллариона. – К., 1984. – С.97.

⁷ Див., напр.: Majeska G. Tsar'grad: The Image of Byzantium in the Popular Lore of Medieval Russia // The Slavs in the Eyes of the Occident. – Cracow, 1992. – P.9–19.

⁸ *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. – Москва, 1963. – Вып.37. – С.74.

⁹ Повесть временных лет. – С.66.

¹⁰ *Раппопорт П.А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник, 1984. – Т.45. – С.185–191.

¹¹ *Ричка В.М.* «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). – К., 2005. – 243 с.

¹² «Слово о законе и благодати» Илариона / Изд. А.М.Молдаван. – К., 1984. – С.98.

¹³ *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. – К., 1984. – С.4.

¹⁴ *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. – Т.1: Текст. – Петроград, 1920 [репринтне відтворення: Die Chronik des Georgios Hamartolos. – Munchen, 1972]. – С.457.

¹⁵ *Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее Новое время (XI–XVIII вв.): Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). – Москва, 1996. – С.70–71.

¹⁶ Киевско-Печерський патерик (репринтне видання). – К., 1991. – С.66, 69.

Н.А.Макаров (Институт археологии РАН, Москва, Российская Федерация)

СЕВЕР И ЮГ ДРЕВНЕЙ РУСИ В X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII в.: ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ И ОБОСОБЛЕНИЙ

Проблема взаимодействия Севера и Юга на Русской равнине имеет исключительное значение для понимания общего хода культурной истории Восточной Европы в средневековье.

Период X–XII вв. характеризуется резкой активизацией связей между северными и южными областями Восточной Европы. Пути, ориентированные в направлении Север – Юг, в эту эпоху стали основными каналами распространения культурных инноваций, циркуляции товаров, военно-политической экспансии, важными маршрутами колонизации и расселения. Ось Север – Юг сформировала геополитическую основу древнерусского государства, сложившегося путём объединения двух государственных образований с центрами в Приильмье и Поднепровье. Древнерусское культурное единство второй половины X–XII вв. было во многом вызвано к жизни передвижением людей, культурных достижений и материальных ценностей в меридиональном направлении. Противоречивые тенденции интеграции и обособления Севера и Юга, торгово-экономического взаимодействия и политического соперничества городских центров обеих областей, глубокого взаимопроникновения северных и южных культурных традиций – одно из важнейших явлений, характеризующих развитие Древней Руси в IX–XII вв.

Определяя содержание понятий Север и Юг применительно к историко-культурной ситуации конца I – начала II тыс. н.э., на Русской равнине трудно очертить конкретные географические границы обеих областей и обозначить точный рубеж, разделяющий северные и южные территории. Проблема эта в современной славяно-русской археологии рассматривается преимущественно как проблема взаимоотношений Новгорода и Киева, союза и соперничества двух доминирующих политических центров Древней Руси, сложившихся на основе различных, хотя и родственных, этнокультурных образований. Между тем, Новгородская земля и Среднее Поднепровье – лишь части двух обширных историко-культурных ареалов, различающихся по своим природным особенностям, хозяйственным и бытовым традициям, с различными направлениями внешних свя-

зей, ориентированных в первом случае на Балтику, во втором – на Причерноморье. Знаменитый путь по Днепру и Ловати был важным, но не единственным каналом сообщения между южнорусскими и севернорусскими землями. Поэтому изучение взаимоотношений между Севером и Югом предполагает рассмотрение культурных процессов в самых широких географических рамках.

Археологические исследования последних десятилетий раскрывают, с одной стороны, культурное своеобразие южнорусских и севернорусских памятников, а, с другой стороны, многочисленные факты распространения «южных» и «северных» элементов культуры далеко за пределами их первоначальных ареалов, превращения многих из них в общедревнерусские. Накопление новых археологических материалов с новой остротой ставит перед исследователями два вопроса. Как определить общий баланс между явлениями культурной конвергенции и культурной дифференциации в различные хронологические периоды? В какой мере археологические данные могут прояснить природу тех сил, которые питали процессы консолидации и обособления Севера и Юга?

Разделяя позиции тех исследователей, которые рассматривают территории от Ладоги до Среднего Поднепровья во второй половине X–XII вв. как единую археологическую провинцию, я всё же полагаю, что на современном этапе изучения древнерусского ареала весьма актуально чётко определить наиболее существенные археологические маркеры различий между северными и южными областями. Без ясного видения этих различий невозможно понять характер культурных и экономических отношений, складывавшихся между Севером и Югом. Многие черты материальной культуры, разделяющие северные и южные области, уже давно выявлены и хорошо изучены. Нет необходимости подробно останавливаться на таких общеизвестных фактах, как различия в конструкции жилых построек и отопительных сооружений, в типах пахотных орудий и в составе ведущих сельскохозяйственных культур, в денежно-весовых системах и монетном обращении, в практике оформления административных и юридических документов, засвидетельствованной сфрагистикой.

Некоторые аспекты культурного своеобразия обеих областей прояснились в последнее десятилетие. Речь идёт, прежде всего, о различии кузнечных традиций – бытовании на Севере и Юге различных приемов производства орудий труда и бытовых вещей из чёрного металла, предполагающих, в первом случае, использование сварных конструкций, во втором – более простых технологических приёмов, основанных на изготовлении орудий из железа или стали с последующей цементацией. Истоки первой традиции уходят в Балтийский регион и Скандинавию, истоки второй связаны с местными производственными традициями более раннего времени. Другая существенная особенность материальной культуры Севера – почти повсеместное бытование в сельских областях вплоть до конца XI в. практики изготовления лепной керамики и использования её в быту наряду с круговой. Керамический набор северных селищ, будь-то поселения Новгородской земли, Суздальского Ополя или Белоозера, – это комплекс, включающий лепную и круговую посуду. Следует отметить также, что первоначальное появление гончарного круга на Севере связано, по-видимому, с культурными импульсами, распространявшимися не только с юга, но и с Балтики, из западнославянских областей.

Остановлюсь подробнее на некоторых существенных, на мой взгляд, чертах несходства древностей Севера и Юга, которые обычно остаются незамеченными. Во-первых, это относительная редкость на Севере в X–XII вв. укрепленных поселений, ограниченная практика возведения деревоземляных фортификаций. На территориях, составлявших в X–XII вв. основные ядра таких территориальных образований, как Новгородская, Псковская и Ростово-Суздальская земля, городища этого периода немногочисленны. Основная масса локальных центров

Севера – будь-то погосты, торговые фактории или боярские усадьбы – неукреплённые поселения. Это обстоятельство со всей ясностью обозначилось после исследования округа Ростова Великого и Суздаля – двух наиболее освоенных и развитых в социально-экономическом отношении районов Северо-Восточной Руси с исключительно низкой концентрацией городищ. Укреплённые поселения не были на Севере столь значимым элементом культурного ландшафта, как на Юге, и не могут рассматриваться как обязательный атрибут власти и социального доминирования.

Далее необходимо отметить различия в динамике освоения сельских территорий, плотности сельского расселения и масштабах лесных расчисток. Формирование открытых аграрных ландшафтов на Юге началось раньше и происходило значительно интенсивнее, чем на Севере. Хотя характер публикаций не всегда позволяет ясно представить картину средневекового расселения в различных областях Севера и Юга, введённые в научный оборот материалы не оставляют сомнений в том, что сельские поселения на юге в X–XII вв. были в целом более крупными, сеть расселения – более густой, а приречный тип заселения – не единственным. В южных областях ранее началось широкое освоение водоразделов и формирование сплошных массивов сельскохозяйственных угодий на местах сведённых лесов. Несмотря на то, что различные районы Севера и Юга сильно различались по уровню земледельческой освоенности, в целом на Юге антропогенные нагрузки на ландшафт были выше, а население – плотнее.

В последние десятилетия на памятниках Севера выявлены и идентифицированы некоторые категории находок, свидетельствующие о широких масштабах пушной охоты и торговли мехами. Речь идёт о таких предметах, как роговые наконечники стрел цилиндрической формы с тупым бойком (томары), употреблявшиеся для охоты на пушного зверя, новгородские цилиндры-бирки со сквозными отверстиями, использовавшиеся для опечатывания мешков с меховыми ценностями и новгородские счётные бирки-сорочки, служившие для подсчёта пушнины. Возможно, некоторые из этих вещей представлены и на памятниках Юга. Однако именно на Севере находки образуют значительные серии, документирующие существенную роль пушного промысла в накоплении богатств и формировании государственных доходов.

Существенной чертой культуры северорусских областей является более высокая концентрация на средневековых памятниках предметов из цветного металла, монет и разнообразных импортов, имевших, очевидно, не слишком высокую стоимость и доступных для широкого круга потребителей. Культурный слой северных поселений и погребальные комплексы изобилуют металлическими украшениями, стеклянными бусами и некоторыми престижными бытовыми вещами, редкими на Юге. Монеты и предметы дальней торговли часто встречаются не только в культурном слое городов, но и на рядовых селищах Севера. Разумеется, было бы неверно делать из этого наблюдения заключение о «бедности» южнорусских земель. Хорошо известно, что именно на южнорусских памятниках найдена основная масса кладов XI – первой половины XIII вв., содержащих золотые украшения и дорогие предметы парадного убора со сканью и чернью. Безусловно, памятники Юга XI–XIII вв. дают больше примеров накопления сокровищ, выделения особого слоя элиты, стремившегося обозначить роскошным убранством своё высокое социальное положение. Однако состав находок на северных селищах и могильниках указывает на то, что экономика Севера была более товарной, а покупательная способность основной массы населения – более высокой, чем на Юге. Значительная часть населения Северной Руси так или иначе была вовлечена в торговлю.

Таким образом, при сопоставлении с Югом Север выступает в противоречивом качестве – он оказывается одновременно хранителем некоторых архаичных

традиций, невосприимчивым к культурным инновациям (длительное бытование лепной керамики, более длительное господство приречного типа заселения, ограниченная практика сооружения фортификаций) и носителем некоторых совершенных для своего времени навыков ремесла, зоной более высокой торговой активности. Значительно уступавшая Югу по плотности населения, территория Севера в течение определённого времени эксплуатировалась как периферийная зона, изобиловавшая ценными промысловыми ресурсами, но именно это обстоятельство стимулировало урбанизацию, обеспечило быстрое накопление прибавочного продукта и устойчивость товарно-денежных отношений на Севере.

Вернёмся теперь к вопросу о тех факторах, соотношением которых было обусловлено «притяжение» и «отталкивание» Севера и Юга и, опираясь на новые археологические материалы, попытаемся оценить обоснованность некоторых существующих в историографии суждений по этой проблеме.

Трудно усомниться в том, что древнерусский Юг, прежде всего Киевская земля, в XI – первой половине XIII вв. сохранял притягательность для северян в качестве важнейшего центра, устанавливавшего культурные нормы и продуцировавшего инновации. Утрата Киевом политического влияния на Севере в XII в. не привела к падению влияния Юга как самостоятельного культурного очага и главного проводника византийской культуры. Свидетельством этого стало, в частности, широкое бытование на Севере Руси в XII–XIII вв. некоторых типов украшений и бытовых вещей, имевших южнорусское происхождение или распространявшихся из Византии при посредничестве Киева (бусиных височных колец, стеклянных браслетов, керамических поливных писанок) и массовое распространение в северных областях христианской культовой пластики (крестов, образков, энколпионов), воспроизводящей образцы, впервые появившиеся в Среднем Поднепровье. Вещи «южных типов», конкретные пути проникновения которых на Север Восточной Европы не всегда могут быть прослежены, воспринимались северянами как значимые маркеры общерусской идентичности.

Сложившиеся в отечественной историографии второй половины XIX в. представления о значительном передвижении восточнославянского населения с юга на север в XI–XIII вв. как об одном из факторов, способствовавших формированию этнокультурного единства Руси, во многом справедливы, хотя и нуждаются в определённом переосмыслении. Археологические материалы раскрывают многочисленные факты подвижек населения на север внутри отдельных регионов или через границы сопредельных областей, но не подтверждают картины массового отлива населения из южнорусских земель, нарисованной В.О.Ключевским. Фиксируемая археологией высокая плотность земледельческого населения на Юге, возрастающая в XII – первой половине XIII вв., вероятно, была не менее весомым фактором, порождавшим колонизационное движение на Север, чем политические неурядицы и внешняя опасность. Однако при несомненном присутствии среди населения Северо-Восточной Руси в XII в. выходцев с Юга, документированном отдельными археологическими материалами, археология не в состоянии пока оценить общий вклад южан в формирование населения Северо-Восточной Руси, соотношение западного и южного колонизационного потока. Причина этого заключается, прежде всего, в характере восточнославянских древностей XI–XIII вв., точная региональная атрибуция которых зачастую затруднена.

Север и Юг Древней Руси нередко противопоставляют как сферы преобладания балтийского и византийско-причерноморского культурного влияния, как территории, включённые в две различные торгово-экономические зоны. Хотя зона культурного воздействия Византии, простираясь далеко на север, перекрывала значительную часть циркумбалтийской провинции, в целом это противопоставление следует признать справедливым. Исследования последнего десятиле-

тия выявили новые интересные факты, фиксирующие влияние Балтики во внутренних континентальных областях Восточной Европы и позволяющие включить в состав циркумбалтийской провинции столь удалённые от Балтики территории, как Волго-Клязьменское междуречье, Белозерье или западная часть Северодвинского бассейна. Вещи балтийского круга в повседневной бытовой культуре Северной Руси X–XII вв. узнаваемы значительно легче, чем вещи византийского круга на Юге, что создаёт иллюзию присутствия византийского влияния лишь в сфере «высокой» христианской культуры. Между тем, многие украшения и предметы повседневного обихода, атрибутируемые как древнерусские, в действительности имеют византийские прототипы.

Существовавший в конце IX–X вв. товарообмен между Восточной Европой и Византией, при котором собранные киевским князем в южных и северных областях меховые ценности вывозились в Константинополь, обеспечивая обратный приток на Русь драгоценных металлов и предметов роскоши, безусловно, способствовал экономической и политической интеграции Древней Руси. Последовавшие затем изменения в международной торговле, в результате которых главным торговым партнером северорусских земель стала Западная Европа, по общему мнению исследователей, создавали основу для экономического обособления Севера. Интенсивный товарообмен между северорусскими областями и Балтикой в XI в. засвидетельствован многочисленными кладами денариев и находками отдельных монет, в том числе серией новых находок, маркирующих их путь с Верхней Волги и Белоозера в Северодвинский бассейн. Однако, несмотря на отмеченное Константином Багрянородным присутствие новгородских судов в торговых флотилиях, отправлявшихся в Константинополь, можно полагать, что часть пушнины, добывавшейся в северорусских областях, уже в X в. вывозилась не на юг, а на запад. Встречным потоком товаров, обеспечивавшим приток мехов, могли быть цветные металлы (X в. в северорусских областях ознаменовался резким увеличением количества металлических украшений). Изначальная автономность двух торгово-экономических зон и наличие двух каналов товарообмена, позволявших древнерусской элите поставлять товары на внешний рынок и накапливать богатства, явилась одним из существенных факторов, обусловивших размежевание Севера и Юга.

О.П.Моця (Институт археології НАН України, Київ, Україна)

ДЕ Ж БУВ ЦЕНТР ДЕРЖАВИ РУСІВ?

Нагадаємо, що «Київська Русь», або «Давня Русь» чи «Русь-Україна» – це кабінетні терміни. Адже сучасники називали цю державу «Руська земля» або «Русь». Перша із вищевказаних назв з'явилась на основі розробки московськими книжниками XVI ст., а пізніше М.М.Карамзіним, С.М.Соловйовим, В.Й.Ключевським та іншими істориками Російської імперії концепції про генеалогічну безперервність на протязі тривалого часу правлячого у Москві князівського роду. Одночасно з обґрунтуванням вказаної теорії виникли й терміни «Київська Русь», «Владимирська Русь», «Московська Русь» – за назвами центрів концентрації в той чи інший час владних функцій. Цієї концепції притримується і більшість сучасних російських (та і не тільки російських) істориків.

Останнім часом робляться спроби знову підкорегувати історичні події кінця I тис. н. е.: місто Ладога на далекій східнослов'янській Півночі проголошується першою столицею Русі, з якої пізніше ця місія переходить до Новгороду Великого, і лише потім – до Києва. Але тут слід відзначити, не всі російські сучасні дослідники перейшли на такі «ура-патріотичні» позиції. Вони відзначають, що згадане вище невелике місто як столиця – це модернізм понять, його краще іменувати

як першу резиденцію представників князівської династії Рюриковичів¹. Висловлюється й більш традиційний погляд: «Приільмення стало другим після Середнього Подніпров'я найважливішим вогнищем формування руської державності»².

Говорячи про київський період історії східнослов'янської середньовічної держави, відзначимо, що територія Середнього Подніпров'я дійсно була центром Русі. Тому про Київ усе ж і далі слід говорити як про основний урбаністичний центр у цьому європейському регіоні, що зафіксував ще князь Олег, який у 882 р., знищивши стару династію Києвичів, об'єднав північні та південні території і саме його назвав «матір'ю міст руських»³. Окрім цього літописного повідомлення, численні згадки в різних списках локалізують Русь саме на півдні східнослов'янської держави. Це стосується не лише південних літописних зводів, а й новгородських, де Приладожжя та і загалом Новгородщина завжди зветься «всья Новгородская область». Така ж стабільність у термінології простежується щодо назви «Русь» в її середньодніпровському географічному визначенні – сюди з Новгорода Великого приходять єпископи, князі та посадники для вирішення своїх різноманітних проблем і питань, завоювання влади, координації дій і т. п. Прикладами на підтвердження такої думки можуть бути повідомлення про події, що, зокрема, відбувалися у 1132 р.: «Въ се же лето ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю (тобто із Новгорода до Переяславля-Руського, нині Переяслава-Хмельницького – *О.М.*); в 1136 р.: «Въ то же лето, на зиму, иде въ Русь архиепископъ Нифонтъ съ лучшими мужи и заста кыяны съ черниговци стояце противу себе, и множество вои»; в 1142 р.: «Епископъ и купце и слы новгородскыя не пушаху из Руси (тобто, із Києва – *О.М.*); в 1149 р.: «Иде архиепископ новгородскыи Нифонтъ въ Русь» та ін.⁴

Водночас уявлення про поволянський регіон східнослов'янської ойкумени, а саме про Суздальську землю (пізніше – Велике князівство Владимирське), як про «Заліську землю», склалося в давньоруський час на півдні Київської Русі. Розглядали так цю територію, судячи з усього, жителі Руської землі в початковому значенні даної назви. Це був якраз погляд іззовні – на далекі землі, відокремлені від спостерігачів густими лісовими хащами, що проходили десь по землі в'ятичів. Проїхати через них навіть у другій половині XI ст. було, як свідчить повідомлення Володимира Мономаха, справою нелегкою⁵.

Як ядро держави визначає Середнє Подніпров'я і візантійський імператор Константин Багрянородний, який у X ст. вказував на північні райони східнослов'янської ойкумени як на «Зовнішню Русь», звідки кораблі йдуть до центру, тобто на середньодніпровський південь: «... із зовнішньої Росії в Константинополь моносіли являються одні із Немогарда (Новгорода – *О.М.*), у котрому сидів Сфендослав (князь Святослав – *О.М.*), син Інгора (Ігоря Старого – *О.М.*), архонта Росії, а інші із фортеці Мілініскі (Смоленська – *О.М.*), із Теліуци (Любеча – *О.М.*), Чернігогі (Чернігова – *О.М.*) і з Вусеграда (Вишгорода – *О.М.*). Отже всі вони спускаються рікою Дніпром і сходяться у фортеці Кіоава (Києва – *О.М.*)»⁶. Константин заразом описав маршрут знаменитого шляху «із варяг у греки» – основної торгової артерії Східної Європи, що зв'язувала балтійський та чорноморський світи. Але з огляду на більш розвинутий Південь, звідки надходило безліч різноманітних товарів, вірно було б іменувати цей шлях «із грек у варяги».

До речі, більш пізні назви «Мала» та «Велика» Росії безпосередньо відносяться до згаданої ситуації територіального визначення різних регіонів східнослов'янського світу. Адже терміни «maior» та «minor» у середньовічних джерелах використовувались не для означення розмірів чи площ (велика – мала), а для розмежування політико-адміністративних частин тієї чи іншої країни. «Мала» частина – це метрополія, а «велика» – територія розселення певного народу⁷. Уже значно пізніше семантика змінилась і терміни почали використовуватись у протилежному значенні.

Щодо появи назви «Русь», то слід відзначити, що інформації із цього приводу явно недостатньо. Утім, більшість лінгвістів усе ж схиляється до думки про північне її походження.

Але поява назви і процес формування центральної частини країни із столичним містом – це різні речі. Тут слушно процитувати відомого історика С.В.Юшкова: «Надзвичайно характерне ставлення Святослава (згаданого вище великого князя київського – *О.М.*) до окремих земель, які входили до складу його держави: коли новгородці прийшли просити собі князя, то Святослав із презирством запитав: «А бы пошел кто к вам?». Як відомо, пізніші князі цінували цей великий центр і всіляко намагались закріпити його за собою»⁸.

Це спостереження вченого ХХ ст. можна підтвердити й текстами перших русько-візантійських договорів, в яких київська державна верхівка показала найважливіше значення для неї в той час певних градів та прилягаючих до них земель. Так, у договорі 907 р. князь Олег вимагав данини: «... первое на Кієвъ, также и на Черниговъ, и на Переяславъ, и на Полътескъ, и на Ростовъ, и на Любечъ, и на прочая города. По тем бо городомъ седяху князя подъ Ольгом суще». А в договорі 945 р. вже князь Ігор вимагає матеріальне утримання у столиці Візантійської імперії – місті Константинополі – для своїх послів та купців, котрі приходять: «... первое от града Кієва, и паки ис Чернигова, и ис Переяславля, и прочии города»⁹.

Як бачимо, ані про Ладогу, ані про Новгород Великий, ані про Псков, ані про Ізборськ, ані про Білоозеро – основні центри Північної Русі – у вказаних документах не йдеться. Вони, вочевидь, належали до «прочих градов», тобто менш важливих на думку київських зверхників Х ст. населених пунктів.

Пояснення незаперечним історичним фактам про значення різних східноєвропейських регіонів у процесі формування першої східнослов'янської держави вже дав учений, якому аж ніяк не можна закинути звинувачення в «українському буржуазному націоналізмі» (за партійною термінологією радянських часів): «Багатий матеріал різноманітних джерел переконує нас у тому, що східнослов'янська державність визрівала на півдні, у багатій та родючій лісостеповій смузі Середнього Подніпров'я. Тут, за тисячі років до Київської Русі, було відоме землеробство. Темп історичного розвитку тут, на півдні, був значно швидшим, аніж на далекій лісовій та болотистій півночі з її пісними ґрунтами. На півдні, на місці майбутнього ядра Київської Русі, за тисячу років до заснування Києва склались «царства» землеробів-борисфенітів, у котрих слід убачати праслов'ян; у «траянові віки» (II–IV ст. н. е.) тут відродилось експортне землеробство, що призвело до досить високого рівня соціального розвитку.

Смоленська, полоцька, новгородська, ростовська північ такої багатой спадщини не отримала і розвивалась набагато повільніше. Навіть у XII ст., коли південь і північ багато в чому вже зрівнялися, лісові сусіди жителів півдня все ще викликали у них іронічні характеристики «зверинського» способу життя північних лісових племен.

При аналізі незрозумілих і часом суперечливих історичних джерел історик зобов'язаний виходити з аксіоми нерівномірності історичного розвитку, котра у нашому випадку проявляється чітко й конкретно. Ми маємо поставитись із великою підозрою та недовірою до тих джерел, котрі підносять нам Північ як місце зародження руської державності, і слід з'ясувати причини такої явної тенденційності»¹⁰.

Не суперечить наведеному поглядові й думка ще одного, не менш авторитетного, історика: «Приступаючи до вивчення утворення території давньоруської держави, необхідно поставити дві проблеми: насамперед, проблему вивчення території тієї держави, котра склалася на півдні, у Середньому Подніпров'ї, до утворення «імперії» Олега й Ігоря, або Київської держави; необхідно, отже, пе-

реглянути проблему «Руської землі», оскільки цей термін («Руська земля», «Русь»), котрий набув загальнооруського значення, спочатку стосувався території південноруської землі. Давня держава Середнього Подніпров'я, яка називалася «Руською землею», увійшла до складу Київської держави початково як територіальне й політично пануюче ядро. Окрім того, необхідно порушити проблему вивчення росту окремих «земель», росту державної території, об'єднаної такими центрами, як Новгород, Ростов та ін., на котрі поширювалося панування «Руської землі на чолі з Києвом і котрі ввійшли до складу Київської держави»¹¹.

Тож перед тим, як пропонувати нову оригінальну гіпотезу та популяризувати її, слід усе ж аргументувати свої докази та скрупульозно проаналізувати похибки авторитетних попередників, довести безпідставність їх концепції історичного поступу середньовічних слов'ян, маючи на увазі першочерговість процесів у середньодніпровському регіоні. Адже в іншому випадку, якщо сприйняти за основу «ладозько-новгородсько-київську» теорію, то про місто на Середньому Дніпрі слід говорити не як про «матір міст руських», а, мабуть, як про «онуку»...

¹ Кирпичников А.Н., Богуславский О.И. Историческое наследие Старой Ладogi // Культурное наследие Российского государства. – Санкт-Петербург, 2003. – С.342; Кузьм Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. – Москва, 2006. – Т.1. – С.206; Кузьмин С., Волковицкий А. Петергоф для Рюрика // Родина. – 2003. – №8. – С.29.

² Носов Е.Н. Первые города Северной Руси // Культурное наследие Российского государства. – Санкт-Петербург, 2003. – С.417.

³ Полное собрание русских летописей (далі – ПСРЛ): Ипатьевская летопись. – Москва, 1962. – Т.2. – Стлб.6.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Москва; Ленинград, 1950. – С.22, 24, 26, 28.

⁵ Журавель А.В. «Залесье» как взгляд с другой стороны «Леса» // Восточная Европа в древности и средневековье: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. – Москва, 2006. – С.66.

⁶ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Москва, 1991. – С.45.

⁷ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. – Москва, 1990. – С.141.

⁸ Юшков С.В. Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. – К., 1992. – С.52.

⁹ ПСРЛ. – Т.2. – Стлб.22, 37.

¹⁰ Рыбаков Б.А. Мир истории: Начальные века русской истории. – Москва, 1984. – С.39.

¹¹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – Москва, 1951. – С.7.

А.В.Чернецов (Институт археологии РАН, Москва, Российская Федерация)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕВЕРА И ЮГА ДРЕВНЕЙ РУСИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Противопоставление Севера и Юга древней Руси имеет давние традиции в отечественной историографии. Тем не менее, не только те или иные суждения по этому поводу, но и сама правомерность постановки этой проблемы, а также сколько-нибудь конкретные представления о том, что, собственно, имеется в виду под Севером и Югом, формулируются крайне расплывчато, а обоснование выдвигаемых положений далеко от соблюдения принципа не только достаточной, но и необходимой аргументации.

Исторически противопоставление Севера и Юга Руси восходит, очевидно, к летописным сообщениям о возникновении ядра русского государства в северных регионах (при Рюрике) и о существовании в то время военно-политического объединения с центром в Киеве (при легендарных Аскольде и Дире). Дальней-

шее развитие представлений о коренном различии Севера и Юга древней Руси в отечественной историографии обязано своим происхождением, главным образом, не сообщениям источников, а, скорее, романтической литературной традиции, одним из общих мест которой было противопоставление благодатного климата Украины (Малороссии) унылому Великороссии и Белоруссии (с аналогичной характеристикой национальных характеров и народной поэзии). Это противопоставление было, естественно, подхвачено украинофильской историографией, чётко разделившей летописные племена и древнерусские княжества на protoукраинские и протовеликорусские, хотя существующие материалы скорее опровергают, чем подтверждают соответствующие представления.

В развитие подобных идей распространяются представления о том, что истоки русской культуры и государственности следует искать в гораздо более ранних временах, чем призвание варягов, и, естественно, в регионах, расположенных ближе к древнейшим цивилизациям, т.е. опять-таки в Украине.

Помимо ряда украинских историков и археологов, горячим сторонником такой версии развития государственности и культуры восточных славян был Б.А.Рыбаков, в трудах которого истоки русской государственности восходят к наследию черняховской культуры и так называемым «древностям русов». В домонгольское время южнорусские земли представлялись ему передовыми, носителями блестящей светской культуры, отражённой в «Слове о полку Игореве» и Ипатьевской летописи.

Б.А.Рыбаков был склонен рассматривать характеристику Нестором полян и других восточнославянских племён как противопоставление лесного и лесостепного населения. Такое истолкование, однако, противоречит содержанию соответствующей летописной статьи. Нестор противопоставляет полян не только северным лесным племенам, но, в первую очередь, древлянам, обитателям той же зоны. Вокруг древнейшего Киева (времен Кия) был «лес и бор велик», что соответствует обобщённой характеристике земли славян в арабских источниках («земля их – равнина лесистая»).

Перенесение на юг эпицентра древнерусской культуры и государственности активно использовалось в борьбе с так называемым «норманизмом». Общепринятое в наше время признание за скандинавами важной роли в создании древнерусского государства «работает» против исключительности Юга в том виде, как её отстаивали многие украинские исследователи и Б.А.Рыбаков. И, конечно, представления об изначальном безусловном культурном и политическом доминировании Юга убедительно опровергаются фактами неоднократного завоевания Киева новгородскими князьями (Олегом, Владимиром, Ярославом Мудрым).

О том, что «украинофильская» модель истории древнерусской культуры и государства в своих крайних проявлениях недостоверна, а порой даже смыкается с мифотворчеством и фальсификацией (юбилей Киева, «Велесова книга»), нет необходимости распространяться в кругу профессиональных историков и археологов. Тем не менее, очевидные климатические и культурно-исторические различия Севера и Юга древней Руси требуют объективной оценки и исторической интерпретации.

Плодородие почв и географическая близость к Византийской империи – очевидные историко-географические характеристики древнерусского Юга. Эти важнейшие особенности не могли не иметь экономических, политических и культурно-исторических последствий, которые должны получить свою, по возможности объективную, оценку.

Говоря об относительном плодородии южных почв, факторе, имеющем исключительно важное значение в истории экономики, мы должны, вместе с тем, понимать, что его значение в конкретных политэкономических условиях древней Руси было совсем иным. Действительно, международная и межрегиональ-

ная торговля сельскохозяйственными продуктами в то время практически не существовала. Для международных торговых путей (имевших ведущее государствообразующее значение) в то время основными являлись продукты, связанные с экстенсивными формами ведения хозяйства – пушнина, воск и мёд. Ещё один вид ценностей, в которых нуждался Юг, имевшихся в изобилии на Севере, – лес, древесина, которые сплавляли на юг по многочисленным рекам бассейна Чёрного моря.

Обращаясь к истокам русской государственности, мы сталкиваемся с необходимостью признать, что такая, казалось бы, специфическая черта Севера древней Руси как вечевой строй, на самом деле была характерна и для древнерусского Юга. По всей вероятности, общерусские корни имеют и практика полярья, и система погостов, и специфическая форма землевладения, прослеженная в первые века истории у новгородского боярства.

Говоря о противопоставлении Север – Юг, мы не можем не столкнуться с вопросом о границе, хотя бы приблизительной, между этими регионами. При этом желательно, чтобы историческая значимость этой границы была как-то отражена в средневековых письменных источниках.

Определённым основанием для выделения южных земель в качестве основного ядра древней Руси служит ареал «Русской земли» по летописным данным. Следует отметить, что этот ареал не включает западнорусские земли, в частности, Галицкую, которую, конечно же, по культурно-историческим и ландшафтно-климатическим признакам следует относить к Югу.

К сожалению, попытки разграничить древнюю Русь по экономическим или этнографическим признакам пока не приводят к убедительным однозначным результатам. Попытка выделить регионы распространения полужемлячных и срубных жилищ, как известно, оказалась неудачной. Позднейшая граница плуга и сохи, во-первых, значительно уклоняется от границ лесной и лесостепной зон и, во-вторых, сильно изменялась на протяжении столетий. Весьма возможно, что помимо понятий о Севере и Юге, окажется необходимым ввести понятие о промежуточной зоне, которая, вполне вероятно, окажется весьма значительной и территориально, и в плане культурно-исторического значения.

Границы крупных политических образований, на которые распалась «империя Рюриковичей», первоначально не соответствовали разделению по принципу Север – Юг. Напомню, что Ярослав Мудрый и его брат Мстислав в 1026 г. разделили всю Русскую землю в меридиональном направлении (по Днепру). Князь Святослав Ярославич, получивший в удел Чернигов, посылал Яна Вышатича в Ростов, Ярославль и Белоозеро. И в более позднее время такие крупные княжества, как Галицко-Волынское и Черниговское, решительно «перешагивали» все возможные условные границы между Севером и Югом древней Руси.

Отмеченные трудности в решении поставленного вопроса, рассмотрению которого посвящена настоящая конференция, могут быть в дальнейшем преодолены посредством масштабных конкретных историко-археологических разработок и путём применения метода комплексного источниковедения.

А.В.Петраускас (Институт археології НАН України, Київ, Україна)

ДРЕВЛЯНСЬКА ЗЕМЛЯ У СВІТЛІ ОСТАННІХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Перші відомості про древлян містяться в недатованій частині Несторової «Повісті временних літ» («ПВЛ») і торкаються вони процесу широкого розселення слов'янських племінних союзів на території Східної Європи у другій половині I тис. н.е. Наступна згадка про древлян міститься у «ПВЛ» після опису заснування міста Києва легендарними братами Кием, Щеком і Хоривом. Коли во-

ни померли, літопис повідомляє: «... держа почаша родъ ихъ княженъ в поляхъ, а в деревляхъ свое...»¹. Наступне повідомлення негативно оцінює древлян, що частково знаходить своє пояснення у самому контексті літопису, де повідомляється, що після смерті Кия та його братів поляни «... быша обидимы древянами и иными околними»².

Далі згадки про древлян ідуть у порічній хронологічній послідовності. Найдавніша з них датується кінцем IX ст., коли в Києві утверджуються представники династії Рюриковичів. Так, уже за рік після захоплення великокнязівського столу, у 883 р., Олег розпочав війну проти древлян – підкоривши їх, змусив платити данину хутром чорної куниці³.

У 885 р. літописець зазначає, що на цей час Олегу вдалося підбити полян, древлян, сіверян і радимичів, а з улчами і тиверцями провадилась війна⁴. Проте це не завадило йому організувати 907 р. грандіозний похід проти Візантії за участю майже всіх східнослов'янських племінних союзів та багатьох північних сусідів. Серед учасників першого походу Олега знаходимо і древлян⁵.

У поході руських дружин на Візантію 911 р. древляни не фігурують, що, можливо, пояснюється початком їх конфронтації з великокнязівською владою. Ця думка нібито знаходить своє підтвердження в наступних літописних записах, які повідомляють, що після смерті Олега (913 р.) «... древляне затворишася от Игоря»⁶. У цій ситуації Ігорю довелося організувати терміновий похід проти бунтівників, який завершився повним успіхом для нового князя в 914 р. При цьому Ігор обклав підкорених древлян новою даниною, яка, очевидно, була більшою за данину, установлену Олегом⁷. Цілком імовірно, що невизначеність розміру нової данини призвела до трагічних подій 945 р., коли Ігор та його мала дружина були знищені під Іскоростенем⁸.

Зазначимо, що здебільшого літописні згадки про древлян пов'язані з повідомленнями про їх протистояння з Києвом та Київською землею. У цьому плані древляни вирізняються серед інших літописних племен. Імовірно, вони володіли достатньо потужним економічним та військовим потенціалом, щоби протистояти Києву, ведучи боротьбу за домінування в регіоні.

О.П.Моця вважає, що цьому значною мірою сприяв ряд факторів, зокрема етнічна однорідність і географічна віддаленість від ворожих південних орд та Хозарського каганату – адже спочатку саме поляни «... быша обидимы древяны и иными околними». Та надалі ситуація кардинально змінилась, хоча племінна верхівка древлян не відразу спромоглася усвідомити це⁹. На думку дослідника, трапилось це тоді, коли у Києві за підтримки варязького військового контингенту почала стверджуватись династія Рюриковичів. Поляни першими трансформувалися в русів, самоусвідомлення яких базувалось і розвивалось на принципах давньоруської державності. Саме київська князівська верхівка та її оточення, куди входили представники різних етносів, стала носієм ідеї нової спільності, котра отримала назву «Русь»¹⁰.

Близькість до столиці молодій Русі з часом почала негативно впливати на становище древлян. Після ствердження в Києві у 882 р., уже в наступному, 883 р., «поча Олегъ воевати древяны и примучи вои имаша на ни дань по черне кун»¹¹.

Проте непокірне плем'я почало виходити з-під київської «опіки» безпосередньо після смерті Олега: «Древляне затворишася от Игоря по Олегове смерти», – повідомляє літописець під 913 р. Реакція Києва не забарилась: «... иде Игорь на древяны и победивъ а. И возложи на нь дань болши Олговы»¹² (914 р.).

Вочевидь, древляни не визнавали київських князів природними володарями східнослов'янських територій. Підкреслюючи, що вони вбили «руського» князя, древляни начебто хотіли відзначити, що самі вони русами не були. А шлюб свого князя Мала із Олеговою вдовою Ольгою потрібен їм був насамперед для то-

го, щоб звести цю «руську» династію. На користь цього свідчить фраза про те, що зі Святославом – спадкоємцем київського престолу – вони могли зробити все, що завгодно¹³.

Ольга жорстоко розправилась із двома древлянськими посольствами, що прибували до Києва, а потім ще й розгромила Іскоростень, а більшість його жителів передала в рабство своїм підданам, які їй не зрадили. Відтак літописне плем'я поступово сходить з історичної арени. Проте порівнюючи згадки про протистояння древлян поляно-русам (у писемних джерелах зафіксовано шість випадків) із кількістю фактів протистояння центра і місцевих структур на інших територіях розселення східних слов'ян, слід відзначити, що в першому випадку, навіть з огляду на кількість, воно було найбільш значним порівняно зі збройними конфліктами з іншими племенами південного регіону східно-слов'янської ойкумени.

З аналізу літописних подій 945–946 рр. випливає, що головним містом древлянської землі був Іскоростень, в якому сидів представник древлянської династії князь Мал. Саме тоді поблизу міста древляни вбили київського князя Ігоря за перевищення ним норми збору щорічної данини: «... и шедше из города Искоростеня древляне. И оубиша Игоря, и дружину его, бѣ бо ихъ мало. И есть могила его оу Искоростина города в Деревъх и до сего дни»¹⁴. У 946 р. Ольга, спорядивши велику каральну експедицію, уцент розгромила древлян: «Древляны же побѣгоша и затворишася в городѣх своих. Ольга же оустремишася съ сыном своим на Искоростень городъ, яко тѣ оубили мужа ея». Далі літописець повідомляє, що обложені мужньо захищали своє місто. Усе літо військо Ольги тримало Іскоростень в облозі і тільки завдяки хитрощам княгині, яка пообіцяла городянам не чинити насильства, місто впало. Ольга пообіцяла взяти легку данину – «по три голуби і три горобці від двору». Воїни київської княгині прив'язали до лап птахів підпалені трути і відпустили. Налякане птаство полетіло в місто, дерев'яні споруди запалали, здійнялася паніка.

У цьому літописному сюжеті неважко помітити епічно-легендарну основу. Події 946 р. для самого Нестора, який творив свою «Повість» наприкінці XI – на початку XII ст., були вже сивою давниною. Можливо, тут він використав якусь героїчну билину на зразок саг вікінгів, які на той час були поширені серед дружинників київського князя. Більш прозаїчним є продовження літописного зводу, де сказано, що коли іскоростенці намагались покинути палаюче місто, «... повель Ольга воемь своимь имати я. И тако взя городъ, и пожъже. И старъишины же города ижъже. И прочая люди: овъхъ изби, а другия работъ преда мужем своимь, а прокъ остави ихъ платити дань. И възложи на ня дань тяжьку»¹⁵.

Відтоді давньоруські літописні хроніки жодного разу не згадують Іскоростень. Адміністративні функції центру древлянської землі перебрав сусідній Вручій (нині Овруч). І лише у 1570 р., у донесенні сеймових комісарів, які проводили люстрації замків Київського воєводства, знаходимо писемну згадку про Коростень – серед невеликих укріплень Овруцького повіту колишню столицю древлян згадано як центр окремої Завшської волості (Заужської), де мешкають постійно «4 боярина завшських и 3 людей попа искоростенського»¹⁶. Така тривала відсутність писемної інформації про місто дала підстави історикам XIX–XX ст. припустити, що Коростень був уцент сплюндрований під час облоги 946 р. і не відновлювався. Дослідники не звернули уваги на фразу літописця, що не всіх мешканців міста знищили чи відвели у полон. Це в першу чергу стосувалось родоплемінної верхівки – «мужів ліпших» і «старійшин». Літописець прямо вказує, що Ольга залишила в живих частину іскоростенців («прокъ остави ихъ платити дань»). Але в яких масштабах позначилась катастрофа 946 р. на демографічному, господарському і культурно-економічному розвитку цього ранньосередньовіч-

ного міського осередку, було незрозуміло. Історія, як наука, що оперує в першу чергу письмовими джерелами, була неспроможною відповісти на ці питання. Відтак вирішальне значення при висвітленні «темних» сторінок прадавньої історії Коростеня відіграють археологічні джерела.

Археологічні дослідження древлянських старожитностей розпочались ще в XIX ст. розкопками курганних некрополів В.Б.Антоновича, Ф.Р.Штейнгеля, В.В.Хвойки, що дозволило встановити характерні риси поховального обряду древлянського населення. Цікаві матеріали були отримані в 1930-х рр. Ф.А.Козубовським, який провів розкопки на залишках городища стародавнього Іскоростеня. На жаль, до наукового обігу було введено лише короткі повідомлення, а самі матеріали розкопок не збереглися.

Протягом 60 років жодних археологічних дослідів на території Коростеня не проводилось, і тільки у 1994 р. невелика експедиція Інституту археології НАН України, яку очолював Б.А.Звіздецький, провела повторне обстеження пам'яток літописного Іскоростеня¹⁷. Основною метою було встановлення ступеня збереженості і хронології за вимогами сучасної методології. Тоді було констатовано практично повну руйнацію городища №1; відкрито поблизу городища №1 велике синхронне йому поселення; встановлено сумарну відносну хронологію городищ №1, №2 і поселення VIII – середини X ст.; зафіксовано відносно непогану збереженість городища №3; методом шурфовки визначено час його існування в межах кінця IX–XVII ст.; зафіксовано наявність залишків двох курганних некрополів літописного міста. Усе це дозволило зробити висновок про реальні перспективи подальших досліджень міської території¹⁸.

Протягом 2001–2006 рр. експедицією під керівництвом Б.А.Звіздецького проводилися стаціонарні розкопки залишків городища №1 та примикаючого до нього неукріпленого селища, які не мають більш пізніх культурних нашарувань, становлять собою закритий комплекс із точною літописною датою припинення існування. Під час розкопок тут було виявлено численний і різноманітний речовий інвентар, отримано дані про конструктивні особливості побутових, ремісничих, житлових та оборонних споруд стародавнього Іскоростеня. Комплекс речових знахідок відображає інтенсивні торгові та культурні стосунки Іскоростеня з європейськими країнами (знахідки прикрас дунайського типу), арабським Сходом (срібні диргеми), Візантією (золотий солід імператорів Василя I та Константина (869–879 рр.)), а також значний вплив північноєвропейського регіону (поясні набори, прикраси, зброя скандинавського типу). Багато з них унікальні і не мають аналогів серед давньоруських старожитностей. Особливої уваги заслуговує скронева сережка, виготовлена в техніці лиття по восковій моделі з подальшою доробкою основних деталей у техніці глибокого ґравірування. Дуже добре збережена (втрачено лише частину дужки для кріплення) сережка має напівовальну основу, від якої відходять п'ять гострокутних променів із краплеподібним закінченням. Напівовал основи і краї променів прикрашені невисоким рубчастим бордором, що, вочевидь, імітує зернь. Зверху над променями розміщене зображення хижого птаха у профіль. Двома кігтистими лапами він спирається на півовал основи. Хвіст птаха розпущений, око широко відкрите, дзьоб загнутий гачком. Пишне оперення хвоста і тулуба підкреслене глибокими лініями ґравіровки. Імовірно, у цьому хижому птахові слід убачати зображення сокола або ж орла.

Прямої аналогії даній скроневої сережці не виявлено. Найближчі за формою прикраси знаходимо серед старожитностей радимичів, але вони, як правило, семипроменеві, а верхня основа напівовалу прикрашена рядком гострокутних зубців-виступів. Іскоростенська сережка унікальна у своєму роді, а питання про її походження залишається відкритим.

На нашу думку, ґрунтовне опрацювання нового джерелознавчого матеріалу, отриманого завдяки розкопкам Б.А.Звіздецького, на сьогодні можливе лише за умови об'єднання зусиль колективу фахівців різного профілю – спеціалістів із давньоруської ювелірної справи, оборонної архітектури, зброї та ін.

¹ Повесть временных лет. – Москва; Ленинград, 1950. – Ч.1. – С.11, 13.

² Там же. – С.16.

³ Там же. – С.20.

⁴ Там же. – С.20–21.

⁵ Там же. – С.23.

⁶ Там же. – С.31.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С.39–40.

⁹ *Моця О.П.* Київ та Іскоростень в контексті поляно-древлянського протистояння // Стародавній Іскоростень та слов'янські гради VIII–IX ст. – К., 2004. – С.212–214.

¹⁰ *Моця О.П.* «Поляне яже ныне зовомая Русь» // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. – К.; Л., 1999. – С.155.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далі – ПСРЛ). – Москва, 1962. – Т.1. – С.24.

¹² Там же. – С.42.

¹³ *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. – К., 2001. – С.20–23.

¹⁴ ПСРЛ. – Т.2: Ипатьевская летопись. – Москва, 2001. – С.46.

¹⁵ Там же. – Ст.47–48.

¹⁶ *Клепатский П.Г.* Очерки истории Киевской земли. – Одесса, 1912. – Т.1: Литовский период. – С.221.

¹⁷ *Звіздецький Б.А., Польгуй В.І., Петраускас А.В.* Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень та слов'янські гради VIII–IX ст. – С.51–86.

¹⁸ *Звіздецький Б.А., Польгуй В.І.* Історична топографія стародавнього Іскоростеня за матеріалами розвідки 1994 р. // Історія України-Русі (історико-археологічний збірник). – К., 1999. – С.111–119.